

Стражник вскоре вернулся с человеком на лошади. Три члена семьи Бань узнали в нём стражника бо Чэнъяня, Ду Цзю, который настоял на том, чтобы сопроводить их обратно прошлой ночью.

- Гвардеец Ду, - Бань Хуа взглянула на расстояние, недалеко позади Ду Цзю. - Какое совпадение.

- Встреча с хоу Цзинтином, Цзюньчжу, Шицзы, - Ду Цзю спрыгнул с лошади и поклонился им.

- Не нужно быть слишком формальным снаружи, - Бань Хуа всё ещё улыбалась Ду Цзю. - Вы тоже возвращаетесь в столицу?

- Отвечая Цзюньчжу, мы сопровождаем бо Чэнъяня обратно в город, - он не был развратником, но Ду Цзю не мог не быть ошеломлён улыбающейся молодой женщиной. Будучи достаточно грубым человеком, он думал, что счастливчик, который смог бы жениться на такой привлекательной женщине, должен быть готов обслуживать её, прихорашивающуюся перед зеркалом, каждый день. У него в голове не укладывалось, почему эта красивая женщина была вынуждена несколько раз столкнуться с расторжением собственных помолвок.

- Итак, господин Жун тоже здесь, - Бань Хуа подняла голову, увидев группу людей, выходящих из густого тумана, впереди в лёгкой парчовой мантии цвета полумесяца был Жун Ся.

Их четыре глаза встретились, Бань Хуа одарил молодого мужчину ослепительной улыбкой.

Жун Ся собирался спешиться, чтобы поклониться Бань Хуаю, но Бань Хуай остановил его. Жун Ся заметил, что порядок, в котором трое Баней ехали на своих лошадях, был странным, дочь Бань Хуа была впереди, в то время как Бань Хуай и Бань Хэн были позади, это несколько выходило за рамки нормы.

Но он был не из тех, кто любит вмешиваться в чужие дела. После обмена несколькими вежливыми фразами с Бань Хуаем он сказал:

- Прошлой ночью мои стражники помешали вашему благородному занятию, я приношу вам извинения от их имени.

- Гм, - сухо кашлянула Бань Хуа. Уже довольно неловко поднимать этот вопрос, но он действительно решил ещё и извиниться. - Господин Жун, это совсем не благородное занятие, - Бань Хуа замедлила ход своей лошади. - Мы просто бездельничали и искали что-нибудь весёлое. Вы наверняка найдёте это смешным.

- Буддизм уделяет особое внимание карме. Добрые дела, которые вы посеяли сегодня, могут принести плоды, помогая другим людям завтра, так что это, безусловно, благородное стремление, - Жун Ся сжал кулак и ладонь в знак уважения к Бань Хуа: - Добрые дела

приносят хорошие плоды, добрые намерения приносят хорошие награды. Те, кто получит сокровища, определённо будут благодарны вам.

Бань Хуа разинула рот, но не смогла произнести опровержение. Уста учёного были настолько могущественны, что умудрялись даже говорить что-то настолько абсурдное, как будто это было нечто возвышенное и философское. Даже она сама почти поверила в это, такова была сила слова учёного!

Девушка повернулась, чтобы бросить взгляд на Бань Хэна. Глядя на него, глядя на себя, должны ли они стыдиться или нет?

Бань Хэн отвернулся, он демонстрировал ненасильственное, но упорное неповиновение. Его лицо было таким: "не понимаю, ничего не видел".

- Цзюньчжу, - Жун Ся направил свою лошадь на расстояние в половину лошади от Бань Хуа, - Я слышал, Вам нравится мех белой лисы?

Бань Хуа повернулась к Жун Ся:

"Красивые люди и прекрасные вещи всегда радуют глаз", - подумав так, она выдавила из себя одинокое:

- Угу.

- У меня есть несколько кусков хорошего лисьего меха. Если Цзюньчжу не возражает, я позволю слугам принести немного, - Жун Ся улыбнулся: - Лисий мех для красавицы - такая бесподобная пара.

Поднялся утренний ветерок, белый туман увлажнил ресницы Бань Хуа, она моргнула:

- Мне это нравится, но я не могу взять что-то даром, как я могу принять это от бо Чэнъяня?

- Просто примите это как мою благодарность за тарелку с выпечкой два дня назад, - Жун Ся всё ещё держался на расстоянии полукони от Бань Хуа. - Выпечка из вашей резиденции очень вкусная, повара в моей резиденции не смогли бы приготовить такую вкусную вещь.

- Итак, Вы хотели бы обменяться рецептом этих пирожных на лисий мех? - внезапно Бань Хуа поняла, она великодушно сказала: - Не волнуйся, когда я вернусь, я позволю кому-нибудь принести Вам рецепт.

Улыбка на лице Жун Ся слегка напряглась:

- Тогда большое Вам спасибо, Цзюньчжу.

Бань Хэн подъехал на своей лошади ближе к Бань Хуаю и подмигнул ему. Этот Господин Жун, он интересовался старшей сестрой?

Бань Хуай покачал головой, это было маловероятно.

Хуа Хуа была его драгоценной дочерью, но нужно было иметь самосознание, его драгоценная дочь и благородный господин Жун абсолютно не подходили друг другу.

- Мастерство Цзюньчжу в стрельбе из лука очень впечатляет. Если бы Вы были мужчиной, Вы стали бы замечательным генералом.

- Я думаю, что это было бы невозможно, - Бань Хуа очень прямолинейно покачала головой.

- Почему это? - Жун Ся не увидел ни малейшей скромности на лице Бань Хуа.

- Жить в военных лагерях тяжело. Если бы я была мужчиной, я была бы Шицзы хоу Цзинтина. Я была бы окружена хорошенькими служанками и жила бы в комфорте. С такой приятной жизнью, почему я должна отказывать себе в комфорте и идти в военные лагеря, чтобы страдать? - Бань Хуа обхватила своё лицо одной рукой, её нежные щеки выглядели очень мило: - Все генералы, которые готовы отправиться на поля сражений, замечательны, но я не хочу быть одним из них.

Жун Ся на мгновение замолчал, глядя на глупую и избалованную женщину перед ним, он рассмеялся:

- Цзюньчжу очень откровенна.

- Жизнь - это всего лишь несколько коротких лет, поэтому просто делай то, что приносит радость, - Бань Хуа рассмеялся: - Кто знает, в какой день твои глаза больше не откроются.

Жун Ся снова позволил себе рассмеяться:

- У Цзюньчжу ясный взор.

К сожалению, все существа страдали, но сколько людей могли это ясно видеть (1)? Сколько людей могли быть такими беззаботными?

Солнце наконец пробилось сквозь туман, и солнечный свет упал на землю. Хотя от этого стало ненамного теплее, но достаточно, чтобы постепенно рассеять густой туман.

Бань Хуа схватила свой хлыст и указала вперёд:

- Городские ворота там.

В этот момент выехала роскошная карета. Бань Хуа узнал в эмблеме фамильный герб Ши. Думая о тайном восхищении Ши Фэй Сянь Жун Ся, Бань Хуа не мог не посмотреть на него.

Но Жун Ся улыбнулся ей и отвернулся, чтобы посмотреть вдаль, как будто он не видел карету у городских ворот.

---

1. 一切众生皆苦 (zhǐ kěxīzhòngshēngjiēkǔ, yòuyǒujīrénnénggòukàntòu) – литературный перевод – все существа страдают, но кто из людей способен это видеть? Очевидно (в китайском буддизме) это рождает идею о том, что величайшее благословение жизни – это внутренняя радость и счастье.

<http://tl.rulate.ru/book/41874/2737108>